

Пожалуй, настроение изменилось: утренняя лёгкость при поездке туда полностью исчезла, и дорога обратно в особняк Итана казалась невероятно долгой.

Пейзаж за окном автомобиля из серых крыш и плотных рядов уличных фонарей постепенно сменялся просторными полями, фонари попадались всё реже, а небо из глубокой синевы погружалось в чернильную мглу.

Мягкий свет внутри салона делал очертания всех пятерых пассажиров чуть мягче.

Драко уже крепко спал.

Его голова склонилась на плечо Гарри, дыхание было ровным и глубоким, а светлые пряди рассыпались по светло-серому воротнику Гарри, чуть покачиваясь в такт лёгкому покачиванию машины.

В руке он всё ещё сжимал брелок с тираннозавром — даже во сне пальцы были расслабленно согнуты, не давая игрушке упасть.

Гарри не спал и не шевелился.

Он отвернулся к окну, глядя на редкие огоньки далёких фермерских домиков, мерцавшие то ярче, то тусклее в тёмной пустыне, словно растерзанные вечерним ветром светлячки.

Нарцисса сидела с другого края на заднем сиденье, молча глядя на силуэт прижавшегося к плечу Гарри Драко.

Люциус сидел на переднем пассажирском сиденье, прикрыв глаза, его дыхание было лёгким и поверхностным. С виду он просто дремал, но в душе бушевали все те впечатления от увиденного днём и обрывки мыслей, оставшиеся от прошлой половины жизни.

В салоне долго царила тишина — такая, что слышны были лишь глухое гудение мотора и шуршание шин по дороге.

Гарри вдруг заговорил, понизив голос почти до шепота, боясь потревожить спящего Драко.

— Дядя Люциус.

Переднее сиденье чуть качнулось, Люциус не поворачиваясь лишь склонил голову набок:

— Мм?

— У меня есть к вам вопрос, — произнес Гарри.

Люциус сильнее откинулся на спинку кресла и через зеркало заднего вида посмотрел назад:

— Спрашивай, что угодно.

— Сегодня в музее, — начал Гарри, — я заметил, что вы очень долго стояли перед электронным экраном и разглядывали его, смотрели, как меняется Земля.

Люциус кивнул, подтверждая слова мальчика.

— Всё это время я думал о том, что мы побывали в стольких местах и увидели столько всего, но ваше выражение лица перед тем экраном было совсем другим, нежели при виде чего-либо ещё.

Зелёные глаза Гарри в сумерках казались невероятно сосредоточенными.

— Совсем не так, как во время покупок, вы будто бы внимательно конспектировали.

В машине на миг повисла тишина. Нарцисса молчала, Драко продолжал спать, его дыхание оставалось ровным и спокойным, а Итан вел машину с отрешённой сосредоточенностью.

Наконец Люциус медленно повернулся. Сначала его взгляд упал на чистые зелёные глаза Гарри, затем переметнулся на тёмную равнину за окном и снова вернулся к мальчику.

— Скажу так: ты наблюдаешь очень внимательно.

Гарри выровнял голос и задал вопрос напрямую:

— Дядя Люциус, почему вы сами хотите узнать побольше о магловском мире?

Люциус ответил не сразу.

Он всматривался в одиннадцатилетнего Гарри, чей взгляд излучал почти торжественную серьёзность.

— А как ты сам думаешь, Гарри? — в свою очередь спросил Люциус. — Почему я решил изучить магловский мир?

Гарри ненадолго задумался:

— Я не знаю. Но... — он сделал паузу. — То, что вы делаете, совсем не похоже на поведение взрослых из дома Дурслей. Они бы не стали так внимательно изучать всё в музее, они... наверное, больше увлечены телевизором.

Люциус кивнул, давая понять, что слушает дальше.

— Я знаю, что магия — это великая сила, — продолжал Гарри, и его голос звучал ещё увереннее. — Она очень мощная: позволяет создавать вещи из ниоткуда, мгновенно взмывать в воздух, исцелять раны в одно мгновение. Каждая вещь, которую я видел в Малfoy-меноре, удивительнее всего, что мне доводилось встречать в доме дяди Вернона.

Он умолк на секунду, в его памяти чётко прокручивались кадры из дневного музея:

— Но сегодня в музее я увидел скелеты динозавров. На Земле они вымерли больше ста миллионов лет назад, а учёные нашли их окаменелые кости, собрали их по кусочкам, изучают, как те ели, ходили и развивались, и превратили многовековые изменения земли в фильмы, чтобы показать всем.

А в кабинке Лондонского глаза мы смотрели на весь город сверху. Люди построили огромные города из стали, стекла и электричества. В мире маглов нет магии, но он точно так же прекрасно развивается.

Гарри повернулся обратно, посмотрел на Люциуса и убеждённо произнёс:

— Сила никогда не сводится к одной лишь магии.

Прежде он никогда не высказывал эти мысли вслух, однако они давно блуждали в его голове: строчки из книг, скелеты в музее, раскинувшийся в вышине силуэт мегаполиса, серьёзное лицо Драко перед витриной — всё это наконец сложилось в единую картину.

— Обладаешь ли ты магией, какого ты происхождения, — сказал он, и его голос стих, став глуше, — всё это не имеет никакого значения для того, чего человек способен достичь.

В машине долго стояла тишина.

Люциус сидел на пассажирском месте спиной к Гарри, но он отчётливо слышал весомость каждого слова мальчика — нетяжёлые, даже лёгкие, они, тем не менее, были устойчивы, как дерево, выросшее лишь по колено, но чьи корни уже ушли глубоко в земную твердь.

Он вспомнил себя в прошлой жизни.

Будучи совсем юным и принимая семью Малfoy из рук отца, Абракса Малfoя, он чувствовал

себя стоящим на вершине мира.

Чистая кровь, огромное поместье, горы галлеонов на дне сейва — всё это убеждало его в существовании непреодолимой пропасти между теми, кто владеет магией, и теми, кто лишён её.

Позже он встретил Волан-де-Морта, и тот заговорил о славе чистой крови. Люциус посчитал это абсолютной правдой, ведь культ чистокровности звучал как квинтэссенция всего, чему его учили с пелёнок.

Он никогда не сомневался в лозунге о величии чистой крови.

Он верил в это добрых полвека, верил до мозга костей, верил настолько, что без колебаний связал свою судьбу с Волан-де-Мортом — до тех пор, пока корабль не пошел ко дну, пока он не очнулся в сырой камере Азкабана и, уставившись на серый кусочек неба за железными прутьями, внезапно не осознал, что понятия не имеет, куда этот корабль плыл.

И вот теперь одиннадцатилетний мальчик, выросший в магловской семье, сидит позади него и с пугающе естественным, невозмутимым спокойствием заявляет: Сила никогда не сводится к одной лишь магии.

У Люциуса на языке вертелись тысячи слов, готовых сорваться с губ, но невидимый барьер вновь захлопнулся, превратив их в пыль.

Пережив короткий миг внутреннего давления, Люциус подавил поднимающуюся бурю эмоций, и голос его прозвучал тихо, но весомо:

— Гарри, некоторые люди тратят целую жизнь, чтобы понять то, что сказал сейчас ты.

— Я не знаю, прав ли я... — тихо ответил Гарри. — Мне просто... показалось, что думать нужно именно так.

— Раз ты считаешь, что это должно быть так — значит, ты прав.

Люциус повернулся лицом вперёд, глядя на раскинувшуюся за лобовым стеклом ночь.

Его голос вновь обрел ровность, однако на самом дне интонаций сквозило едва уловимое изменение, которое мог заметить только он сам:

— Многие не решаются думать так, потому что это разрушило бы всё, во что они верили прежде. Это слишком тяжело и больно, поэтому они предпочитают закрывать глаза.

Но ты готов размышлять и принимать чужие миры — и этим уже превосходишь подавляющее большинство взрослых.

Поля за окном уплывали назад, а на дальнем горизонте забрезжила слабая полоска тепла — частное поместье Итана.

Люциус больше ничего не сказал, но его планы в мыслях обрели окончательную и чёткую форму:

Магловскую силу нужно изучить как следует.

В прошлой жизни Волан-де-Морт насмехался над маглами, заявляя, что от них нет никакой пользы и что букашек не стоит даже брать в расчет, однако в жилах самого Темного Лорда текла магловская кровь.

Люциус не мог произнести это вслух ни перед кем, но мысленно повторял снова и снова.

Затем он вспомнил о другом.

Волчье противоядие.

Чистокровные круги шарахаются от оборотней, называя их грязными, опасными и недостойными существования, однако Люциус прекрасно помнил: в прошлой жизни Люпин был самым преданным соратником Дамблдора, защищавшим каждого студента Хогвартса до последнего вздоха.

Мало того, что нынешнее зелье стоит баснословных денег, от него еще и слишком тяжелые побочные эффекты — в полнолуние оборотни по-прежнему корчатся от невыносимой боли.

Если объединиться со Снегом и усовершенствовать рецепт, это не только облегчит страдания бесчисленных оборотней, но и обеспечит Малфоям постоянный приток капитала, а заодно позволит прибрать к рукам силу изгоев, от которых отвернулось магическое сообщество.

Ход его мыслей прервал невнятный бормочущий сон с заднего сиденья.

Драко ворохнулся, его голова соскользнула с плеча Гарри и уткнулась в спинку кресла. Пробормотав что-то неразборчивое, он снова погрузился в глубокий сон.

Гарри аккуратно вернул его голову на прежнее место. Драко не проснулся, лишь устроился поудобнее.

Десять минут спустя машина плавно затормозила у крыльца особняка.

Сонно моргая, Драко зевнул во весь рот, потёр светлые волосы и невнятно выдал:

— Приехали?

— Приехали, — мягко успокоил его Гарри. — Можешь идти досыпать.

— Нет, — Драко потёр глаза, пытаясь выпрямиться. — Я еще не ужинал.

Нарцисса наклонилась с заднего сиденья и аккуратно поправила сбившийся у него воротник:

— На кухне припасли горячий суп, Рейч ещё днем поставила вариться.

Оба мальчика вышли из машины.

Походка у Драко всё ещё была немного шаткой от остатков сна, и Гарри, шагавший рядом, легонько толкнул его плечом.

— Смотри в колонну не врежься.

— Я уже проснулся...

— У тебя даже глаза не открылись.

Голоса и смех двух подростков смешались воедино.

— Дядя Итан, спасибо вам за сегодня, — Драко помахал Итану, прощавшемуся с Люциусом. — Папа, быстрее, мы возвращаемся.

— Итан, благодарю за помощь сегодня, — слегка кивнул Люциус.

— Мистер Малфой, вы излишне вежливы, заходите в любое время. Мои дети ровесники юного мистера Малфоя и мистера Поттера, в следующий раз пусть играют вместе, — поклонился Итан.

Следом компания Люциуса воспользовалась портключом, мгновенно перенесившись в прихожую Малфой-менора.

Оказавшись в поместье, Драко и Гарри первыми вбежали в дом, направляясь в сторону столовой.

— Люк, о чём ты говорил с Гарри в машине? — тихо спросила Нарцисса. — Я сидела сзади и слышала: вы говорили небыстро, но атмосфера изменилась.

Люциус посмотрел на светящийся в конце коридора светильник. Свет чётко обрисовывал старинную картину в масляных красках на стене — на ней предок Малфоев в тёмно-синей мантии слегка опустив веки глядел на них из-за рамы.

— Он спросил меня, зачем я хочу узнать о магловском мире.

Нарцисса повернула голову, ожидая продолжения.

— Он произнес целую речь, — неторопливо пересказал Люциус все размышления Гарри. — Смысл в том, что сила никогда не сводится к одной лишь магии, маглы способны на многое, и границы между происхождениями вовсе не должны существовать.

Нарцисса замерла, в её глазах читалось изумление:

— Ему же всего одиннадцать.

Она посмотрела в конец коридора, где силуэты Драко и Гарри уже скрылись за поворотом, а из столовой доносился их затихающий смех, растворяясь в глубине поместья.

— Да уж.

— Люк, а что ты делал в свои одиннадцать лет?

— Заучивал чистокровную родословную, — с самоиронией ответил Люциус, — учился правильно кланяться старшим из чистокровных семей.

Нарцисса слегка улыбнулась, без тени насмешки.

— Они другие, — произнесла она. — Драко и Гарри полностью вышли за рамки всего этого.

— Знаю.

— Как думаешь, почему?

Поразмыслив, Люциус ответил:

— Гарри вырос в мире маглов, ему не вбивали в голову эти догмы. Он видит мир маглов живым и целостным, поэтому и пришёл к выводу, что сила бывает разной. А Драко...

Он замолчал, и в его голосе проступила неожиданная мягкость, которой он сам не заметил:

— Драко следует за Гарри и видит то, что видит он.

Нарцисса больше ничего не спрашивала.

Она протянула руку и мягко сжала руку Люциуса, опущенную вдоль тела; ее ладонь была теплой, а кончики пальцев касались его суставов.

— Люк, — тихо произнесла она, — ты тоже меняешься.

Люциус не стал отрицать. Он смотрел на тот светильник в конце коридора, подсвечивавший его лицо тёплым золотистым светом, смягчая резкие очертания в ночной тиши.

— Спасибо тебе, Сисси.

Люциус и Нарцисса стояли плечом к плечу в прихожей, не спеша заходить внутрь.

Издалека донесся голос Драко, долетавший из столовой:

— Рейч! Какой сегодня суп?

Затем последовал голос Рейч через несколько стен, полный радостного усердия:

— Густой овощной суп с зеленью — юный господин, идите медленнее, не бегите...

Голос Гарри раздался следом:

— Он же говорил — не беги...

— Я не бегу! Я просто иду чуть быстрее обычного...

— Это называется бег...

Люциус опустил глаза на свою руку, всё ещё державшую руку Нарциссы.

— Пойдём, суп остынет.

Люциус опомнился, крепче сжал руку Нарциссы и направился с ней в столовую.

— Люк, — неожиданно окликнула она.

— Мм?

— Ты говорил, что в музее он заметил тебя, ты делал записи. — Она повернула голову к нему.

— Что ты записывал?

— Я изучал вещи маглов, — честно ответил он. — Возможно, однажды они пригодятся.

Люциус зашагал к столовой, но, сделав пару шагов, остановился и оглянулся.

Нарцисса по-прежнему стояла под сводами прихожей, и лунный свет пал на ее светло-бежевое платье, словно безмолвный акцент.

Она слабо улыбнулась, затем слегка приподняла подол платья и последовала за ним.

Огни укутали весь особняк, надежно и мягко отгородив от посторонних глаз все тяжелые замыслы.

<http://bllate.org/book/21194/2145708>